H12 265

Н 2 265

В. Д. Набоковъ.

ДУЭЛЬ
И
УГОЛОВНЫЙ ЗАКОНЪ.

194/6

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.,
Тип. т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.
1910.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1233837

Оттискъ изъ №№ 50 и 51 жур. „Право“, за 1909 г.

H12 265

Дуэль и уголовный законъ [1]).

(Въ основаніе настоящей статьи положенъ докладъ, сдѣланный въ уголовномъ отдѣленіи юридическаго общества 3 декабря 1909 г.).

Мнѣ приходится начать съ оговорки: я отнюдь не собираюсь говорить о томъ поединкѣ, который возбудилъ живѣйшее общественное вниманіе и былъ предметомъ весьма многихъ сужденій въ періодической прессѣ. Не собираюсь касаться потому, во-первыхъ, что оцѣнка этого

---

[1]) Источники и пособія: объясненія къ проекту уголовнаго уложенія, VI, стр. 293 сл.

Любавскій, „Русскіе уголовные процессы“, I, II и VI.

Таганцевъ, „О преступленіяхъ противъ жизни“, II, стр. 324 сл.

Неклюдовъ, „Руководство въ особ. части русскаго уголовнаго права“, I, стр. 149 сл.

Лохвицкій, „Курсъ уголовнаго права“, стр. 567 сл.

Фойницкій, „Курсъ уголовнаго права“, часть особ. изд. 1893 г., стр. 59 сл.

Набоковъ, „Элем. учебн. особ. части русск. угол. права“, 1903 г., стр. 28.

Спасовичъ, „Рѣчь по дѣлу о дуэли Утина съ Жоховымъ“, собр. соч. V, стр. 224.

Шт.-капитанъ Ливенсонъ, „Поединокъ въ законодательствѣ и наукѣ“. Спб. 1900 г.

Н. Дружининъ, „Честь, судъ и поединокъ“. Ж. Ю. О., 1897, кн. 1—2.

случая, по моему, сдѣлана достаточная и вполнѣ исчерпывающая въ такихъ статьяхъ, какъ статьи кн. Трубецкого и К. К. Арсеньева въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Къ тому, что они сказали, прибавлять нечего, да я и не собираюсь прибавлять. Вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ бы не думать, что тѣ выводы и соображенія, къ которымъ я прихожу, основаны на этомъ спеціальномъ случаѣ. Отнюдь нѣтъ; я считаю, что въ области вопроса о поединкѣ, также, какъ и во многихъ другихъ, было бы въ высшей степени опасно исходить изъ отдѣльныхъ случаевъ и на основаніи особенностей, быть можетъ отталкивающихъ, быть можетъ, постыдныхъ или смѣшныхъ отдѣльнаго случая, строить какія либо теоріи. Если я этого касаюсь, то только потому, что дѣйствительно тотъ случай, который имѣлъ мѣсто, явился поводомъ къ моей работѣ,

---

Ел-скій, Н. „Современное движеніе противъ поединка въ Зап. Европѣ и Лейпцигская конференція 19 окт. 1901 г.“, Ж. М. Ю., 1902, кн. 7.

Зыковъ, “Юридическая конструкція поединка“. В. Права, 1901, кн. 9.

Croabbon, La science du point d'honneur. Paris 1894.

Tarde, Etudes pénales et sociales „Le duel“, стр. 1—83. Paris, 1892.

Garraud, Traité VI.

Hélie et Chauveau „Théorie du C. Pénal“, III.

Binding, K. „Der Zweikampf und das Gesetz“, 1905.

Liepmann, „Duell und Ehre“, 1904.

Kohlrausch, въ „Vergleichende Darstellung des deutschen und ausländischen Strafrechts. Bes. Theil“, III, стр. 125 и сл. 1906.

Руководства Binding'a, v. Liszt'a, Merkel'a, v. Holtzendorff'a Hadbuch.

поводомъ постольку, по скольку нѣкоторыя лица, затронутыя этимъ дѣломъ, обратились ко мнѣ, какъ криминалисту, съ просьбой освѣтить вопросъ съ точки зрѣнія криминалиста и представить тѣ соображенія, которыя можетъ представить криминалистъ въ смыслѣ устраненія этого зла и борьбы съ нимъ. Я долженъ сказать, что вообще криминалистъ является въ такихъ случаяхъ въ положеніи хирурга, къ которому прибѣгаютъ тогда, когда приходится дѣйствовать оперативнымъ путемъ. Но хирургъ-криминалистъ обладаетъ орудіями весьма грубыми, весьма несовершенными. Уголовный законъ это есть въ концѣ концовъ послѣднее прибѣжище. послѣднее средство въ рукахъ государства, когда какое либо зло не поддается лѣченію болѣе простому и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе радикальному, потому что наказаніе, какъ извѣстно, по отношенію къ разнымъ преступнымъ дѣяніямъ, и въ особенности къ дуэлямъ, безсильно вліять на причины, порождающія преступленія. Поэтому прежде всего слѣдуетъ поставить вопросъ о томъ, не имѣется ли иныхъ средствъ борьбы съ дулью, разъ мы признали ее зломъ. Нужно сказать, что именно въ вопросѣ о дуэли средства криминалистовъ оказываются уже до извѣстной степени заранѣе скомпрометтированными, потому что историческій опытъ показываетъ намъ цѣлый рядъ случаевъ, когда обращались къ уголовнымъ наказаніямъ, и при драконовской строгости этихъ средствъ и наказаній противъ дуэли законодатель оказывался совершенно несостоятельнымъ въ борьбѣ. Мѣры воздѣйствія, которыя онъ пытался сочинить и примѣнить, оказываются

совершенно не достигающими цѣли. Я говорю, что этотъ опытъ былъ уже продѣланъ и во всякомъ случаѣ намъ достаточно сослаться на 2—3 примѣра. Прежде всего на примѣръ Франціи.

Какъ извѣстно, во Франціи, еще начиная съ XVI в., потомъ въ XVII вѣкѣ и позже, начиная съ Генриха II и кончая Людовикомъ XVI, цѣлый рядъ королей издавалъ эдикты весьма суровые, весьма строгіе, грозившіе дуэлянтамъ смертной казнью, конфискаціей всего имущества и лишеніемъ христіанскаго погребенія для лицъ, пострадавшихъ на дуэли. Мало того: не разъ въ виду того, что именно въ этихъ случаяхъ чаще всего обращались къ королевской прерогативѣ помилованія и просили милости, въ виду того, что этой прерогативой злоупотребляли, короли нерѣдко давали торжественное обѣщаніе, декларацію въ томъ смыслѣ, что они клятву даютъ, что никогда не будутъ миловать лицъ, виновныхъ въ дуэли. Въ 1679 г. былъ изданъ такой эдиктъ съ торжественной клятвой короля не миловать дуэлянтовъ, и однако въ 1723 году королю пришлось подтвердить свою клятву и вновь заявить, что въ случаѣ дуэли онъ миловать не будетъ и обращеніе къ нему безполезно. Такъ было вплоть до Людовика XVI-го. Затѣмъ, когда наступила великая революція и смела всѣ сословныя перегородки и когда оказалось, что искусственное представленіе, возникшее въ эпоху феодаловъ, о point d'honneur, особомъ благородствѣ, особой чувствительности чести высшаго сословія, что все это сметено, когда Маратъ въ своемъ «Plan de législation criminelle» доказывалъ, что

дуэль есть абсурдъ и въ высшей степени преступная вещь, и что, конечно, свободный французскій народъ съ этимъ предразсудкомъ разстанется, послѣ всего этого, однако, случилось то, что какъ только началась политическая жизнь во Франціи, какъ только появились представительныя учрежденія, дуэли не только не прекратились, не только не уничтожились, но пошли вглубь и вширь. Та демократическая нивеллировка, которая въ это время произошла, привела къ тому, что биться на дуэли стала не только аристократія, не только маркизы и военные, но и простые люди и члены законодательнаго собранія. Современники указываютъ на то, что нравы, господствовавшіе въ представительныхъ собраніяхъ того времени, были таковы, что постоянно подавали поводъ къ дуэлямъ—ругань, брань висѣли въ воздухѣ. Можетъ быть, тогда и не было случаевъ, чтобы отдѣльные члены законодательнаго собранія обращались къ цѣлой группѣ своихъ товарищей, называя ихъ «хамами» или заявляя, что они до нихъ «не доплевываютъ» или черезъ нихъ «переплевываютъ», но во всякомъ случаѣ бывало, что на почвѣ политическихъ несогласій между роялистами и республиканцами возникали стычки, кончавшіяся дуэлями. Мы видимъ, что въ 1790 году, 13 ноября, депутація отъ парижскаго corps municipal, во главѣ съ извѣстнымъ Bailly, является въ Assemblée nationale и заявляетъ о томъ, что случаи дуэлей участились, что требуется законъ, который «могущественно напомнилъ бы гражданамъ о правилахъ морали и охранилъ бы ихъ навсегда отъ внушеній чувствъ, несовмѣстимыхъ съ характеромъ сво-

боднаго и справедливаго народа». Въ нѣсколько вычурномъ и высокопарномъ тонѣ, это то же «уймите драчуновъ», съ которымъ обращаются въ настоящее время къ предсѣдателю 3-ей государственной думы. И когда явилась эта депутація, и вопросъ былъ поднятъ, то былъ данъ отвѣтъ, что, само собой разумѣется, уголовное законодательство сумѣетъ положить преграду этимъ неистовствамъ. Однако мы видимъ, что первый французскій кодексъ 1791 г. и другой 1810 г. о дуэли молчатъ, и это молчаніе оказалось роковымъ, потому что впослѣдствіи, когда сталъ возникать вопросъ о томъ, какъ въ самомъ дѣлѣ относиться къ дуэли—разсматривать ли дуэль, какъ преступленіе, и если разсматривать, то на основаніи какихъ законовъ карать,—то мнѣнія критиковъ рѣзко раздѣлились. Съ 1819 г. вплоть до 1837 г. французская практика держалась того мнѣнія, что законодатель, не упоминая о дуэли въ кодексѣ 1810 г., тѣмъ самымъ призналъ ее ненаказуемой, и доказывала это тѣмъ, что такъ какъ до того времени существовалъ цѣлый рядъ законодательныхъ велѣній, то молчаніе кодекса служитъ доказательствомъ измѣненія взгляда законодателя. Лишь съ 1837 г., когда выступилъ противъ этой точки зрѣнія извѣстный прокуроръ Дюпенъ и сталъ доказывать, что, наоборотъ, молчаніе кодекса показываетъ, что кодексъ смотритъ на дуэль такъ же, какъ и на всякое другое убійство или нанесеніе ранъ и поврежденій, и доказалъ это съ необычайнымъ подъемомъ краснорѣчія и убѣжденностью,—мнѣніе это измѣнилось, и съ 1837 г. точка зрѣнія французской судебной практики приравниваетъ убій-

ство на дуэли или нанесеніе ранъ и поврежденій на дуэли къ обыкновенному убійству и нанесенію ранъ.

Такимъ образомъ, оказывается, что съ точки зрѣнія французскаго законодательства дуэль обложена необыкновенно сильными наказаніями. Достаточно сказать, что, дуэль, напримѣръ, съ условіемъ биться на смерть и дуэль, окончившаяся смертью, должны разсматриваться, какъ предумышленное убійство и караться смертной казнью. Затѣмъ дуэли другого вида, кончающіяся, напримѣръ, тяжкими пораненіями, обложены весьма строгими наказаніями, расчитанными на обыкновенное умышленное нанесеніе ранъ или увѣчій. Между тѣмъ, мы видимъ, что нѣтъ страны, въ которой бы дуэль процвѣтала такъ, какъ во Франціи, мы видимъ, что судебному преслѣдованію подвергаются весьма рѣдкіе, немногочисленные случаи, и мы имѣемъ еще тотъ несомнѣнный абсурдъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда судебному преслѣдованію подвергаются дуэлянты, поединокъ которыхъ окончился ничтожными поврежденіями, дѣла о нихъ разсматриваются въ судахъ исправительной полиціи, и они приговариваются къ наказанію, а въ тѣхъ случаяхъ, когда дуэль оканчивается смертью, дѣло поступаетъ на разсмотрѣніе суда присяжныхъ, которые почти всегда оправдываютъ. Такимъ образомъ, примѣръ Франціи показываетъ условность уголовныхъ репрессій, онъ показываетъ, что считать такую репрессію панацеей противъ дуэли—есть праздная мечта.

То же самое въ Германіи, гдѣ цѣлый рядъ эдиктовъ, Duell-mandat'овъ, самымъ строгимъ

образомъ относится къ дуэли. Извѣстный бранденбургскій эдиктъ 1668 г. назначаетъ за дуэль смертную казнь, трупъ убитаго долженъ быть оттащенъ въ безчестное мѣсто. Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ впервые германскій законодатель проводитъ ту мысль, что строгая наказуемость за дуэль должна сопровождаться суровой наказуемостью за личную обиду и тотъ же бранденбургскій эдиктъ 1668 года, который назначаетъ такое наказаніе за дуэль, назначаетъ за нанесеніе обиды лишеніе свободы на 15—20 лѣтъ и испрошеніе на колѣняхъ прощенія у обиженнаго со стороны обидчика. Но и здѣсь мы видимъ, что это нисколько не отражается на количествѣ дуэлей, и хотя дуэли въ Германіи никогда не свирѣпствовали съ такой силой, какъ во Франціи, тѣмъ не менѣе уголовное законодательство было совершенно безсильно съ ними справиться, потому что и здѣсь, какъ во Франціи, обыкновенно приговоры не приводились въ исполненіе, и имѣло мѣсто помилованіе. Въ Германіи собственно эта точка зрѣнія господствовала вплоть до 1827 г. и нашла себѣ выраженіе, между прочимъ, въ такъ называемомъ «Allgemeines Landrecht», проектѣ общаго земскаго права, который предполагалъ основать государственный сословный судъ чести и ввести суровыя наказанія за дуэль, при чемъ предположеніе о государственныхъ сословныхъ судахъ чести отпало, и остались только суровыя наказанія за поединокъ. Наконецъ, дѣйствующее законодательство уже отказалось отъ этого взгляда и смотритъ на дуэль, какъ на особый проступокъ, облагаемый по общимъ правиламъ наказаніями, характера не безчестящаго.

Но зачѣмъ намъ обращаться къ Франціи и Германіи, когда мы имѣемъ нашъ собственный русскій опытъ. Вѣдь и мы пережили эту эпоху чрезвычайно суроваго отношенія къ поединкамъ и драконовскихъ наказаній дуэлянтовъ. Первый законодательный памятникъ «Патентъ о поединкахъ и начинаніи ссоръ» петровской эпохи 26 апрѣля 1716 г., заимствованный изъ Голландіи, назначаетъ за вызовъ объявленіе негодяемъ, лишеніе чиновъ, денежный штрафъ, конфискацію. Не только дуэлянты,—прислуга, завѣдомо передавшая такъ называемую «вызывательную цыдулу», подвергалась шпицрутенамъ. За бой какъ живые, такъ и мертвые подвергаются повѣшенію, при чемъ мертвые вѣшаются за ноги, и, можетъ быть, немногимъ извѣстно, что при разсмотрѣніи въ 1837 г. дѣла о дуэли Пушкина съ Дантесомъ военная комиссія, разсматривавшая дѣло, между прочимъ, имѣла въ виду и это постановленіе о томъ, что убитый на дуэли долженъ быть повѣшенъ за ноги, но, къ счастью для нашей исторіи, это правило такъ и осталось въ данномъ случаѣ мертвой буквой. Въ воинскомъ уставѣ (артикулѣ) ст. 139 за вызовъ на дуэль и принятіе его—«смертная казнь, хотя оба нераненные отъ сего отойдутъ»; секунданты и прикосновенные подвергаются тѣмъ же наказаніямъ. Такъ продолжается въ теченіе всего XVII вѣка. Въ концѣ XVII в. манифестъ о поединкахъ 1787 года отказывается уже отъ этой драконовской строгости, но устанавливаетъ общія правила, что «за раны, увѣчья и убійства, бывшія послѣдствіемъ поединковъ, виновные отвѣчаютъ, какъ за умышленное причиненіе таковыхъ». За

выходъ и вызовъ наказаніе «яко ослушниковъ закона» и уплата безчестія судьѣ, «судъ коего онъ, т. е. дуэлянтъ, презрѣлъ». Тутъ появляется мысль, что дуэль есть по существу преступленіе противъ судебной власти государства, такъ какъ въ этомъ выражается извѣстное презрѣніе къ суду, и потому послѣдствія дуэли должны разсматриваться на общемъ основаніи. Эти правила манифеста дѣйствовали включительно до изданія свода законовъ. Они были перенесены въ изданіе 1832 г. и въ воинскій уставъ 1839 г., и только съ изданіемъ уложенія 1845 г. установлена была совершенно новая точка зрѣнія, которой мнѣ придется коснуться.

II.

Изъ этого изложенія явствуетъ, что, съ одной стороны, драконовская строгость законодательства обыкновенно остается на бумагѣ. Въ большинствѣ случаевъ наступаетъ помилованіе. Уже въ силу того эти законодательныя постановленія, эта строгость не могли дѣйствовать превентивно, потому что дуэлянты расчитываютъ, что наказаніе не будетъ приведено въ исполненіе. Но этого мало. Надо замѣтить, что, можетъ быть, въ извѣстныхъ случаяхъ такая угроза и не можетъ дѣйствовать превентивно, потому что непосредственное ея дѣйствіе заключается въ томъ, что только увеличивается рискъ дуэли. Человѣкъ, который выходитъ на поединокъ, доказывая, что онъ не только рискуетъ своей жизнью и здоровьемъ, но еще подвергается суровой угрозѣ уголовнаго закона, какъ бы

является вдвойнѣ героемъ, ибо онъ рискуетъ во всякомъ случаѣ,—и въ томъ случаѣ, если остается живымъ. Такимъ образомъ съ этой точки зрѣнія усиленіе наказанія роли играть не можетъ, поскольку оно является единственнымъ средствомъ и поскольку всѣ тѣ факторы, отъ которыхъ зависитъ дуэль, остаются нетронутыми.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что уголовный законодатель долженъ провозгласить свое non possumus и отказаться отъ какой бы то ни было попытки путемъ уголовнаго закона воздѣйствовать на дуэль. Мнѣ кажется, если отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно, то также отрицательно придется высказаться по отношенію къ цѣлому ряду аналогичныхъ случаевъ, гдѣ законодатель наказываетъ, а преступныя дѣянія совершаются, и число ихъ растетъ. Этого еще недостаточно, чтобы отрицательно относиться къ роли уголовнаго законодателя. Мнѣ кажется, это указываетъ только на то обстоятельство, что нужно искать и другихъ средствъ, обратиться и къ другимъ формамъ борьбы, чтобы дѣйствительно достигнуть цѣли. Но въ примѣненіи къ дуэли мы прежде всего встрѣчаемся съ точкой зрѣнія ея ретивыхъ защитниковъ, убѣжденныхъ сторонниковъ, даже апологетовъ, и не слѣдуетъ думать, что это точка зрѣнія только какихъ-нибудь «драчуновъ». Мы находимъ людей, въ высокой культурности и гуманныхъ чувствахъ которыхъ сомнѣваться нельзя, но которые тѣмъ не менѣе подходятъ съ извѣстной точки зрѣнія къ дуэли и относятся къ ней иной разъ одобрительно, иной разъ снисходительно. Я назову вамъ Спасовича. Правда, взглядъ Спасовича

былъ высказанъ въ защитительной рѣчи въ защиту Утина, убившаго на дуэли Жохова, и несомнѣнно защитникъ имѣлъ въ данномъ случаѣ дѣло съ довольно благодарной темой. Я не вхожу въ особенности этого случая, но надо констатировать, что послѣ того, какъ Утинъ выстрѣлилъ и Жоховъ упалъ мертвымъ—и Утинъ упалъ въ обморокъ. Такое поведеніе побѣдителя «кодексомъ Дурасова» не предусмотрѣно,—тотъ, кто убилъ на дуэли, долженъ имѣть сознаніе выполненнаго долга. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ Утинъ былъ страдающимъ лицомъ, и защитникъ его—Спасовичъ—могъ эту сторону развернутъ передъ судомъ. Но затѣмъ Спасовичъ сталъ на очень благодарную для защитника дуэли почву, заявляя, что «обычай поединка является среди цивилизаціи символомъ того, что человѣкъ можетъ и долженъ въ извѣстныхъ случаяхъ жертвовать самымъ дорогимъ для него благомъ—своею жизнью—за вещи, которыя съ матеріалистической точки зрѣнія не имѣютъ значенія и смысла—за вѣру, родину, за честь; вотъ почему этимъ обычаемъ нельзя поступаться». То же самое говоритъ извѣстный французскій ученый Тардъ. Хотя онъ, вообще, отрицательно относится къ дуэли, но говоритъ, что дуэль имѣетъ и имѣла свою красоту; «дуэль есть свидѣтельство, что не стоитъ жить цѣной стыда, или даже тѣни стыда». Но, наконецъ, мы имѣемъ даже каррикатуру этихъ взглядовъ, извѣстный учебникъ Лохвицкаго, который говоритъ о дуэли, что «дуэль, какъ предразсудокъ, имѣетъ за собою великое начало — чувство чести, личной неприкосновенности и достоинства. При всѣхъ недостаткахъ и кровавыхъ послѣдствіяхъ

этого условнаго чувства чести (point d'honneur), оно имѣетъ и великія достоинства. Оно даетъ человѣку нравственную силу, оно возвышаетъ его. Это чувство и его необходимое послѣдствіе—дуэль—могущественно содѣйствовали цивилизаціи» (!).—Я думаю, что въ послѣднихъ словахъ заключается нѣкоторый приговоръ этому мнѣнію, потому что, если ваше разсужденіе приводитъ васъ къ тому, что дуэль содѣйствовала цивилизаціи, то, очевидно, что-то хромаетъ въ этой логикѣ. Далѣе онъ пишетъ: «Говорятъ, что этотъ point d'honneur, эта условная честь есть не болѣе, какъ идолъ. Онъ требуетъ въ сущности только: пожалуй, дѣлай подлости, но стрѣляйся съ тѣмъ, кто назоветъ тебя подлецомъ. Но если бы и было такъ, то и такое чувство нельзя назвать не заслуживающимъ вниманія. Все таки у такого человѣка есть нѣчто, вслѣдствіе чего онъ станетъ свободно на барьеръ» Я думаю, что у такого человѣка дѣйствительно есть нѣчто:—мѣдный лобъ. Затѣмъ—«кто рискуетъ своей жизнью, слѣдуя, положимъ, глупому предразсудку, тотъ все таки показываетъ, что онъ не трусъ, что онъ не задумается принести жизнь въ жертву отечеству въ случаѣ надобности». Такимъ образомъ оказывается, что дуэль, и это довольно распространенное мнѣніе, способствуетъ развитію мужества, въ частности въ арміи. Одинъ человѣкъ, который въ компетенціи по вопросамъ военнымъ не уступалъ Лохвицкому,—Наполеонъ держался совершенно иного мнѣнія и говорилъ «хорошій дуэлистъ—скверный солдатъ» («Bon duelliste—mauvais soldat»). «Дуэль, говоритъ Наполеонъ, есть часто храбрость тѣхъ, кто ею не обла-

дается»—«и я никогда не расчитывалъ на дуэлянта для какого нибудь акта героизма».

Я думаю, что намъ въ Россіи говорить о дуэли, какъ орудіи цивилизаціи, было бы нѣсколько непристойно. Мы не должны забывать, что въ Россіи дуэль стоила намъ Пушкина, Лермонтова, и Лассаля, могутъ претендовать на званіе піонеровъ цивилізація. Но ежли мы возьмемъ точку зрѣнія Спасовича и Тарда, мы увидимъ, что они идеализируютъ дуэль. Спасовичъ говоритъ о дуэли, точно это есть своего рода самопожертвованіе—«я выхожу на дуель, чтобы жертвовать жизнью».—Да развѣ это есть обычный видъ дуэли? Вѣдь рѣдко выходятъ съ намѣреніемъ, чтобы его застрѣлили,—обыкновенно выходятъ съ другимъ намѣреніемъ. Чаще всего играетъ роль чувство мести, которое побуждаетъ человѣка выступить на поединокъ [1]). Но главное, конечно, не въ этомъ. Мнѣ могутъ возвратить, что бываютъ другія случаи. Но вѣдь Спасовичъ и другіе защитники дуэли отправляются отъ той точки зрѣнія, что дуэль, вообще, можетъ возстановить честь. Отсюда выводъ, что во-первыхъ – честь моя можетъ пострадать отъ образа дѣйствій другого человѣка, и затѣмъ что, въ сущности говоря, всякій самый гнусный негодяй, только

---

[1]) Въ преніяхъ по докладу Н. Н. Львовъ справедливо отмѣчалъ, что взглядъ „честь выше жизни“ можетъ оправдать японское харакири, но не оправдываетъ дуэли. Ибо этотъ аѳоризмъ имѣетъ нравственное значеніе только въ томъ случаѣ, когда я жертвою своей жизнью, а не тогда, когда уничтожаю чужую.

потому, что онъ вызоветъ на дуэль и убьетъ противника или выдержитъ выстрѣлъ, тѣмъ самымъ получаетъ патентъ на благородство и незапятнанность чести. Вѣдь если дуэль есть способъ возвращенія чести, то дѣйствительно нѣтъ предѣловъ, за которыми ее можно потерять навсегда, и каждый можетъ прибѣгнуть въ такомъ случаѣ къ этому средству для возстановленія замаранной чести.

Я полагаю, однако, что огромное большинство общества не раздѣляетъ этой точки зрѣнія, и въ тѣхъ случаяхъ, когда дрался человѣкъ завѣдомо безчестный, завѣдомо негодный, общество къ нему не измѣняетъ отношенія, хотя бы ему и удалось убить противника на дуэли. Такимъ образомъ фактически дуэль, конечно, не является возстановленіемъ чести. Дуэль есть въ лучшемъ случаѣ доказательство личнаго мужества. Но здѣсь я долженъ оговориться: дѣйствительно я считаю, что изъ двухъ—Наполеона и Лохвицкаго—Наполеонъ былъ правъ совершенно. Иное дѣло то мужество, которое нужно на войнѣ, совершенно другое мужество человѣка, идущаго въ бой съ извѣстной идеей, которая его воодушевляетъ, фанатизируетъ, когда у него нѣтъ личной вражды или мести. Оно имѣетъ мало общаго съ мужествомъ человѣка, который долженъ выйти на дуэль, подвергнуться этому церемоніалу и доказать, въ сущности говоря, что онъ обладаетъ крѣпкими нервами. Извѣстенъ превосходный разсказъ Гюи-де-Мопассана, когда человѣкъ, оскорбившій другого, вызвалъ его на дуэль и затѣмъ проводитъ безсонную ночь, страдаетъ ужасно, потому что предчувствуетъ, что его нервы не выдержатъ, что онъ не въ

Государств. публичная
историческая
библиотека

состоянiи выступить передъ пистолетомъ противника, и хотя все его существо возстаетъ противъ этого «малодушiя», онъ не можетъ справиться съ своей физiологiей, своими нервами, онъ предвидитъ позоръ, который его ждетъ, если онъ упадетъ въ обморокъ, и, наконецъ, онъ не выдерживаетъ и застрѣливается. Готовность пожертвовать жизнью его не покинула, но готовности выйти на дуэль ему не хватило.

Говорятъ, что дуэль дисциплинируетъ нравы, что если не будетъ дуэли, люди будутъ другъ друга безпрепятственно оскорблять, третировать, и установятся самыя невозможныя общественныя отношенiя. Въ данномъ случаѣ надо сказать, что если бы и было такъ, то дуэль была бы гораздо болѣе распространеннымъ средствомъ чѣмъ она является на самомъ дѣлѣ, и я думаю, что нельзя высказать болѣе тяжелаго обвиненiя общественной совѣсти и общественнымъ взглядамъ, какъ утверждая, что единственно дуэль держитъ современныхъ людей въ уздѣ и является для нихъ острасткой, когда они оказываются опасными для другихъ. Мы можемъ сослаться и на примѣръ Англiи, гдѣ дуэль выведена изъ употребленiя, и гдѣ общественные нравы отъ этого не страдаютъ.

Наконецъ, приходится встрѣчаться съ самымъ труднымъ возраженiемъ. Говорятъ: хорошо это въ теорiи, а когда дѣло дойдетъ до практики, то вы, и не признавая дуэли, пойдете драться. Это было высказано Базаровымъ («Отцы и Дѣти»), когда Кирсановъ вызвалъ его. Онъ говорилъ: съ моей точки зрѣнiя теоретически это нелѣпость, но практически это другое дѣло. Отрицая дуэль, онъ пошелъ на нее. Но не только

Базаровъ, есть цѣлый рядъ примѣровъ людей, которые самымъ яростнымъ образомъ возставали противъ дуэли, а потомъ дрались. Густавъ Адольфъ самъ издалъ эдиктъ противъ дуэли, но когда ему случилось нанести оскорбленіе одному изъ своихъ генераловъ, который выѣхалъ за предѣлы Швеціи, король послѣдовалъ за нимъ, и заявивъ: «здѣсь я больше не король»— предложилъ ему поединокъ. Затѣмъ существуетъ извѣстное сочиненіе генерала Перроне де Сенъ Мартино, которое заключаетъ въ себѣ цѣлый памфлетъ и рядъ возраженій противъ дуэли, а въ предисловіи авторъ заявляетъ,—что если кто на основаніи этой книги заподозритъ его въ трусости, тому онъ предлагаетъ немедленно драться съ нимъ на дуэли. Далѣе, представляя аргументъ ad hominem, говорятъ: «ну, а если съ вами случится то или другое, какъ вы поступите? неужели вы перенесете оскорбленіе, не вызовете на дуэль или не примете вызова?» Вѣдь въ сущности, когда говорятъ, что дуэль есть нелѣпость, но бываютъ случаи, когда она вполнѣ умѣстна и допустима, то этотъ аргументъ, какъ замѣтилъ, между прочимъ, Тардъ, напоминаетъ мнѣнія римскихъ писателей Плутарха и Цицерона объ ауспиціяхъ, о гаданіяхъ посредствомъ священныхъ куръ, когда они доказывали, что хотя сами по себѣ эти гаданія вздоръ, но бываютъ случаи, когда куры прекрасно предсказываютъ. То же и относительно дуэли: само по себѣ, говорятъ, это нелѣпость, но бываютъ случаи... Вѣдь если бываютъ такіе случаи, то вѣдь бываютъ случаи, когда люди убиваютъ другъ друга подъ вліяніемъ извѣстной обстановки, и я не знаю, многіе ли могутъ поручиться, что

никогда не будутъ поставлены въ такое положеніе, когда у нихъ можетъ подняться рука на преступленіе. Но что изъ этого слѣдуетъ, развѣ можно изъ этого дѣлать общіе выводы? Вѣдь мы говоримъ въ данную минуту объ общей точкѣ зрѣнія, устанавливая ее, и съ этой точки зрѣнія эти отдѣльные случаи никакого значенія не имѣютъ. Я лично думаю, что тѣ, кто такъ говоритъ, обнаруживаютъ извѣстную робость передъ общественнымъ мнѣніемъ, и я съ этой точки зрѣнія нахожу, что разъ человѣкъ вполнѣ признаетъ и исповѣдуетъ извѣстное убѣжденіе, а затѣмъ сознательно въ нарушеніе его поступаетъ противоположнымъ образомъ, ради общественнаго предразсудка, то въ сущности онъ этимъ доказываетъ наличность тѣхъ свойствъ, которыя онъ больше всего хочетъ скрыть,—именно извѣстную робость и трусость передъ общественнымъ мнѣніемъ. Затѣмъ надо еще замѣтить, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ дуэли происходятъ изъ за пустяковъ. Случаи, которые дѣйствительно относятся къ разряду тѣхъ, о которыхъ я только что упомянулъ, это исключительно рѣдкіе случаи, и я думаю, что они такъ же часто разрѣшаются убійствомъ, какъ и дуэлью.

Я скажу больше. Обычное возраженіе говоритъ: какъ долженъ поступить человѣкъ, у котораго какой нибудь негодяй обольстилъ дочь или сестру, или нагло оскорбилъ ихъ или мать, или жену? Что ему остается сдѣлать? Но неужели не очевидно, что именно въ этихъ случаяхъ дуэль—самый безсмысленный, самый невозможный способъ рѣшенія? Развѣ обольщенной или оскорбленной легче будетъ оттого, что

близкій ея будетъ убитъ—что всегда возможно? Развѣ виновникъ обольщенія или оскорбленія, выйдя на дуэль, перестаетъ быть негодяемъ?.. Спросятъ: какое же другое рѣшеніе, что же дѣлать? На это можно отвѣтить только одно: пока общество само не умѣетъ правильно реагировать на подобные случаи, ничего не будетъ удивительнаго, если они будутъ разрѣшаться убійствомъ, самоубійствомъ, — даже дуэлью... Здѣсь, стало быть, передъ нами только частное приложеніе общей задачи—борьбы противъ нелѣпыхъ предразсудковъ, во имя здравыхъ и цѣлесообразныхъ понятій и отношеній.

Но, повторяю, въ огромномъ большинствѣ случаевъ дуэли—тамъ, гдѣ этотъ обычай дѣйствительно существуетъ,—происходятъ на политической почвѣ или на почвѣ газетныхъ столкновеній, и въ странѣ, гдѣ дуэли больше всего распространены, во Франціи, пышно процвѣтаютъ парламентскія дуэли. Парламентскія дуэли почти никогда не имѣютъ тѣхъ признаковъ, о которыхъ говорятъ, указывая на необходимость защиты личной чести и достоинства. Здѣсь происходитъ сведеніе политическихъ счетовъ посредствомъ дуэли, и этимъ въ сущности дается возможность совершать безнаказанно или почти безнаказанно политическія убійства, пріобрѣтая еще, быть можетъ, ореолъ героя. Также и «журнальныя» дуэли: во Франціи съ 1880 г. по 1889 г. имѣли мѣсто 535 дуэлей, изъ которыхъ 363 были дуэли журналистовъ, duels pour la galerie, когда люди обмѣниваются выстрѣлами безъ результата, и секунданты торжественно заявляютъ, что честь удовлетворена. Вотъ по отношенію къ этимъ дуэлямъ,

конечно, приведенныя возраженія отпадаютъ. Затѣмъ въ Россіи—если мы возьмемъ, напримѣръ, извѣстный сборникъ Любавскаго, въ которомъ собранъ цѣлый рядъ процессовъ о дуэляхъ—мы будемъ поражены, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, ничтожностью тѣхъ поводовъ, которые приводили къ дуэлямъ самымъ кровавымъ и кончавшимся самымъ печальнымъ образомъ. Такъ что, повторяю, въ этомъ отношеніи аргументація, ссылающаяся на отдѣльные случаи, даже съ точки зрѣнія этихъ отдѣльныхъ случаевъ, является недостаточно убѣдительной.

Но мало того, что надо возражать противъ положительныхъ сторонъ дуэли, вѣдь всякій понимаетъ, что дуэль имѣетъ и очевидныя отрицательныя стороны. Дуэль есть глорификація насилія, потому что побѣждаетъ тотъ, кто оказывается сильнѣе, ловчѣе, привычнѣе къ огнестрѣльному оружію.

Признавая дуэль, мы отдаемъ преимущество такого рода качествамъ, которыя въ современномъ обществѣ не являются мѣриломъ человѣческаго достоинства. Конечно, можно сказать, что дуэль это есть своего рода судъ Божій, но вѣдь въ настоящее время всетаки всего болѣе распространенъ тотъ взглядъ, выраженный крылатымъ словомъ, что богъ битвы всегда бываетъ на сторонѣ тѣхъ, у кого лучшія пушки. То же самое можно сказать и о дуэли. Конечно, намъ трудно представить себѣ въ современномъ обществѣ какого-нибудь Лоэнгрина или Тельрамунда, исходъ борьбы которыхъ опредѣляетъ нравственную правоту. Дуэль, какъ Божій судъ, въ настоящее время есть нѣчто совершенно невообразимое и устарѣлое.

Наконецъ, дуэль имѣетъ еще и ту дурную сторону, что она прямо развиваетъ бреттерство. Тамъ, гдѣ процвѣтаетъ дуэль, появляются типы вродѣ тургеневскаго Авдѣя Лучкова, или чеховскаго Соленаго, т. е. люди, которые сильны тѣмъ, что они могутъ свою ловкость, умѣніе стрѣлять и фехтовать ставить на службу самымъ низменнымъ и грязнымъ побужденіямъ.

Если мы обратимся къ русской изящной литературѣ и ея отношенію къ дуэли, то увидимъ, что это отношеніе сплошь отрицательное. Достаточно перечитать описанія дуэли у нашихъ лучшихъ писателей. Вездѣ можно подмѣтить одну черту — отвращеніе къ тому траги - комическому церемоніалу, которымъ обставлена дуэль; рѣзко подчеркнуты психическія страданія, которыя люди испытываютъ, идя на дуэль, и затѣмъ нелѣпость всѣхъ условностей, сопровождающихъ дуэль, нелѣпость ея результатовъ, бездоказательность ея, отталкивающая каждаго человѣка съ здоровымъ этическимъ чувствомъ. Я думаю, что въ этомъ отношеніи русская литература выражаетъ собою мнѣніе громаднаго большинства русскаго образованнаго общества. Съ этой точки зрѣнія я считаю, что вопросъ о необходимости борьбы противъ дуэли разрѣшается самъ собою, и средства для этой борьбы имѣются въ большомъ количествѣ.

Мы тутъ имѣемъ, во-первыхъ, первое и коренное средство, заключающееся въ распространеніи правильныхъ и цѣлесообразныхъ воззрѣній на дуэль. Я считаю, далѣе, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ примѣръ того лица, которое, имѣя право расчитывать на общественное ува-

женіе и будучи поставлено въ такое положеніе, когда ему приходится выбирать между тѣмъ, чтобы выйти на дуэль, и тѣмъ, чтобы отказаться отъ поединка,—сдѣлаетъ второе, имѣетъ огромную показательную и доказательную силу, и является, конечно, могущественнымъ факторомъ въ борьбѣ противъ дуэли. Затѣмъ возможны, конечно, всякаго рода организованныя общества, анти-дуэльныя организаціи, которыя процвѣтаютъ въ Англіи и Германіи, гдѣ каждый изъ участниковъ даетъ обѣщаніе, что не будетъ драться на дуэли и не будетъ вызывать на дуэль. Борьба противъ дуэли поддерживается, конечно, не этимъ формальнымъ обѣщаніемъ, а тѣмъ, что давшій обѣщаніе связанъ съ цѣлымъ кругомъ людей опредѣленнымъ образомъ мыслей, и они его поддерживаютъ, такъ же, какъ онъ поддерживаетъ каждаго изъ нихъ въ такихъ случаяхъ. Наконецъ, возможны и такія средства воздѣйствія: всякаго рода организованныя общественныя единенія, напримѣръ, законодательныя собранія, общественныя организаціи, могли бы въ этомъ случаѣ высказывать опредѣленные взгляды и предъявлять къ своимъ членамъ извѣстныя требованія, и, наконецъ, имѣются средства, находящіяся прямо въ рукахъ государства. Хотя я не считаю, что между усиленіемъ наказанія за оскорбленія и отпаденіемъ дуэли имѣется такая прямая и непреложная связь, какъ думаютъ нѣкоторые, но я нахожу, что въ нашемъ законодательствѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ западноевропейскихъ, строгое отношеніе законодателя къ дѣяніямъ, оскорбительнымъ для личнаго достоинства и чести и направленнымъ къ тому, чтобы унизить другого, надругавшись надъ его

личнымъ достоинствомъ,—такое отношеніе было бы дѣйствительнымъ средствомъ защиты отъ подобныхъ оскорбленій. Но въ нашемъ законодательствѣ установлены крайне ничтожныя степени наказуемости за такой образъ дѣйствій, и совершенно непонятно, почему самое грубое, отвратительнсе, безчестящее оскорбленіе, нанесенное женщинѣ, наказывается несравненно мягче, чѣмъ похищеніе двугривеннаго или карманная кража. Это, конечно, неправильно, и здѣсь законодатель имѣетъ еще осуществить лежащую на немъ задачу.

Далѣе государство можетъ организовать особые суды чести, но и общество также можетъ организовать такое особое учрежденіе какъ третейскіе суды и т. п., которое можетъ быть весьма цѣлесообразнымъ. Я сейчасъ не имѣю возможности останавливаться на подробностяхъ этой организаціи и могу отослать интересующихся этимъ вопросомъ къ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ министерства юстиціи, за 1904 г. «О лейпцигской конференціи 1901 г.». На этой конференціи подробно разбирался вопросъ объ организаціи судовъ чести и былъ принятъ цѣлый рядъ проектовъ, направленныхъ въ эту сторону.

Можно ли достигнуть успѣха въ этой борьбѣ? Я думаю, достаточно указать на Англію, гдѣ дуэли съ 1844 г. совершенно исчезли. Дуэли въ Англіи случались такъ же часто, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, до того момента, когда въ 1843 г. произошла дуэль, которая въ сильнѣйшей степени обратила на себя общественное вниманіе: нѣкій полковникъ Фаусетъ дрался съ лейтенантомъ Монро, котораго онъ тяжко оскор-

билъ. Фаусетъ былъ убитъ. Военное министерство отказало въ уплатѣ пенсіи его женѣ, т. к. жены самоубійцъ и дуэлянтовъ не имѣютъ права на пенсіи. Принцъ Альбертъ, супругъ королевы Викторіи, горячо отстаивалъ идею судовъ чести. Были изданы правила, карающія отставкой или наказаніемъ офицера, вызвавшаго или принявшаго вызовъ или упрекнувшаго другого въ невызовѣ или непринятіи вызова или отклонившаго разумныя предложенія примиренія. Но эти правила особаго значенія не имѣли. Гораздо большее значеніе имѣла декларація, изданная королевой Викторіей и обращенная къ военному министру Гардингу, которая говоритъ слѣдующее: «Мы одобряемъ поведеніе всѣхъ тѣхъ, кто въ случаѣ, если они имѣли несчастье нанести кому нибудь оскорбленіе, открыто объяснятся, принесутъ извиненіе или выразятъ готовность взять обратно то, что произошло; также тѣхъ, кто въ случаѣ, если они будутъ имѣть несчастье подвергнуться оскорбленію, чистосердечно примутъ открытое объясненіе или извиненіе того, кто ихъ оскорбилъ; также тѣхъ, кто въ случаѣ отказа принять или принести подобныя объясненія или извиненія, доложитъ о происшедшемъ командиру полка, батальона или гарнизона. Мы удостовѣряемъ передъ всѣми офицерами и солдатами, что тѣ, кто отклонятъ вызовъ или его не сдѣлаютъ, будучи готовы принять или принести извиненіе, не совершатъ ничего постыднаго и не должны считаться умаленными въ своемъ достоинствѣ: ибо, поступая такъ, они поступаютъ, какъ порядочные люди, и исполняютъ свою обязанность, какъ хорошіе солдаты, ставящіе дисциплину выше своей личности».—Ниже,

когда мы упомянемъ о правилахъ 1894 г., изданныхъ у насъ, мы невольно вспомнимъ и эту декларацію королевы Викторіи, которая привела къ тому, что съ 1844 г. дуэли абсолютно вымерли въ Англіи и до настоящаго времени съ 1844 г., насколько мнѣ извѣстно, не было ни одного случая, когда бы въ Англіи кто нибудь дрался на дуэли. Упомянемъ еще, что въ Америкѣ существуетъ правило, согласно которому, каждый, кто принимаетъ на себя общественную должность или поступаетъ на государственную службу, приноситъ присягу въ томъ, что онъ не дрался и никогда не будетъ драться на дуэли. Кстати, надо замѣтить, что такъ называемая «американская дуэль» какъ разъ въ Америкѣ не существуетъ и совершенно тамъ неизвѣстна, такъ что извѣстный американскій писатель Уартонъ въ своей книгѣ «Объ американскомъ уголовномъ правѣ» называетъ американскую дуэль нѣмецкимъ именемъ и говоритъ, что такого «учрежденія» въ Америкѣ не существуетъ [1]).

При такой точкѣ зрѣнія, мнѣ кажется, должно отпасть то возраженіе, которое приводитъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей вопроса (Kohlrausch), что собственно говоря, всякія мѣры, направленныя противъ дуэли, сталкиваются съ тѣмъ, что это есть вопросъ не разума, а чувства. Здѣсь имѣется своего рода credo, quia absurdum. «Я понимаю хорошо, что дуэль есть нелѣпость, но мое чувство не позволяетъ мнѣ

[1]) Въ сборникѣ кодифицированныхъ уголовныхъ законовъ, утвержденномъ 9 марта нынѣшняго года равнымъ образомъ нѣтъ никакихъ упоминаній о дуэляхъ.

справиться съ этимъ предразсудкомъ». Я думаю, что всѣ мѣры должны быть направлены къ тому, чтобы воздѣйствовать на это чувство, ибо оно само является результатомъ общественнаго предразсудка, съ которымъ и нужно бороться.

Обращаюсь къ роли угол. законодателя. Я на эту роль смотрю чрезвычайно скромно и думаю, что достаточно выставить чисто отрицательное положеніе. Угол. законодатель не долженъ принимать мѣры, которыя даютъ результаты отрицательные, способствуютъ дуэли, даютъ нравственное основаніе для дуэли. Законодатель не долженъ становиться на такую точку зрѣнія, при которой защитникъ дуэли имѣетъ право сослаться на авторитетъ законодательной власти, a priori признавшей, что поединокъ дѣяніе не безчестящее, вообще—не недостойное, но свидѣтельствующее, наоборотъ, о благородствѣ его нравственной личности.

Я вскользь и въ немногихъ словахъ коснусь исторіи русскаго законодательства о поединкахъ. Оно чрезвычайно своеобразно прежде всего тѣмъ, что въ нашемъ правѣ постановленія о поединкахъ появились ранѣе самихъ поединковъ. Когда былъ изданъ патентъ 1716 г., дуэли въ сущности не существовали въ Россіи. Это общее мнѣніе. Возражаетъ противъ него только одинъ изслѣдователь Дружининъ, но онъ не приводитъ ни одного случая, который можно было бы назвать дуэлью. Болѣе ранніе случаи относятся не къ дуэли, а къ случаямъ «поля», судебнаго поединка, который съ нашей дуэлью ничего общаго, кромѣ внѣшней стороны, не имѣетъ. Затѣмъ мы замѣ-

чаемъ, что въ нашемъ законодательствѣ отсутствуетъ единая точка зрѣнія на дуэль, и это болѣе всего проявляется въ нашемъ теперешнемъ дѣйствующемъ положительномъ правѣ, въ которомъ мы наблюдаемъ совершенно недопустимое и рѣзкое противорѣчіе между двумя точками зрѣнія, изъ которыхъ исходитъ законодатель. Мы имѣемъ прежде всего «уложеніе о наказаніяхъ», въ основу котораго положенъ взглядъ на поединокъ, какъ «delictum sui generis». Затѣмъ составители уложенія говорятъ, что они внесли наказанія за дуэль, близкія къ употребляющимся въ военной службѣ, по преимущественному составу участниковъ дуэли. Дѣйствительно, историческія наблюденія показываютъ, что въ Россіи въ первой половинѣ XIX в. дуэли происходили почти исключительно или между военными, или между лицами высшей аристократіи, и Гоголь, напримѣръ, не говорилъ ничего страннаго, когда въ «Мертвыхъ душахъ», упоминая о гражданскихъ чиновникахъ, населявшихъ городъ, замѣчалъ, что «дуэли, конечно, между ними не происходили, такъ какъ всѣ были гражданскіе чиновники, но за то одинъ другому старался напакостить, что, какъ извѣстно, подчасъ бываетъ тяжелѣе всякой дуэли». Затѣмъ, при опредѣленіи мѣры наказанія, уложеніе отдѣляетъ вызвавшаго отъ вызваннаго, того, кто нанесъ обиду, отъ того, кто потерпѣлъ обиду, — различаетъ поединки правильные, неправильные и измѣнническіе, признаетъ ненаказуемость секундантовъ и принявшихъ вызовъ при условіи, если они употребили всѣ усилія, чтобы предотвратить дуэль, и такимъ образомъ проявляетъ въ концѣ концовъ весьма

послѣдовательный взглядъ на дуэль. Съ этой точки зрѣнія дуэль есть прежде всего дѣяніе, особо выдѣленное, и карательная санкція показываетъ, что государство на нее смотритъ, какъ на нѣчто всегда и при всѣхъ условіяхъ не позорящее, кромѣ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда мы имѣемъ дуэль измѣнническую. Но такимъ образомъ дуэль всетаки разсматривается, какъ дѣяніе запрещенное, и уголовный законодатель устанавливаетъ даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма строгія наказанія за дуэль. И что же мы видимъ? Въ 1894 г. 13 мая появляются, такъ называемыя, «правила о разбирательствѣ ссоръ въ офицерской средѣ», которыя выставляютъ совершенно иную точку зрѣнія, такъ что извѣстный философъ Эд. фонъ-Гартманъ могъ сказать, что «въ Россіи дуэль не имѣетъ почвы, но ее стараются искусственно насадить въ военной средѣ». Собственно мысль этихъ правилъ заключается въ томъ, что въ извѣстной части русскихъ войскъ нѣтъ достаточно развитого понятія о чести, а въ другой есть—и въ тѣхъ частяхъ, гдѣ его нѣтъ, надо постараться довести это понятіе о чести до того уровня, который имѣется въ другихъ привилегированныхъ частяхъ. Для этой цѣли указывается, что когда въ офицерской средѣ происходятъ ссоры, то въ каждомъ такомъ случаѣ судъ общества офицеровъ долженъ собраться и долженъ рѣшить, имѣется ли въ данномъ случаѣ ссора внѣшняя и могутъ ли поссорившіеся примириться, или это есть нѣчто такое, что можетъ быть разрѣшено только дуэлью. И если судъ общества офицеровъ признаетъ, что необходима дуэль, а между тѣмъ тѣ лица, о которыхъ идетъ рѣчь,

драться не будутъ, то они подлежатъ исключенію изъ полка.

Казалось бы, при такихъ условіяхъ, когда дуэль происходитъ по повелѣнію суда общества офицеровъ, она уже должна быть не наказуема, между тѣмъ оказывается, что тѣмъ не менѣе всѣ дѣла такого рода идутъ обычнымъ порядкомъ: производится слѣдствіе, и тутъ установлена извѣстная оговорка — говорится, что тѣ дѣла, которымъ не считается нужнымъ давать дальнѣйшаго хода, докладываются военнымъ министромъ государю, и они могутъ быть прекращены. Но тѣ послѣдствія, которыя наступаютъ, напримѣръ, для жены убитаго,—они установлены у насъ въ пенсіонномъ уставѣ ст. 32 и въ ст. 220, кн. XVIII свода военныхъ постановленій, согласно которымъ вдова офицера, убитаго на дуэли, лишается пенсіи,—остаются въ силѣ, и такимъ образомъ это послѣдствіе, во всякомъ случаѣ, имѣетъ мѣсто. И въ нашей литературѣ имѣется, между прочимъ, обширное интересное изслѣдованіе штабсъ-капитана Ливенсона, который доказываетъ, что если дѣлу о дуэли такого рода и будетъ данъ ходъ, и оно попадетъ на судъ, то судъ имѣетъ возможность руководиться ст. 134 улож. о наказаніяхъ и смягчить наказаніе на томъ основаніи, что «виновный былъ вовлеченъ въ сіе преступленіе убѣжденіями, приказаніями или дурнымъ примѣромъ людей, имѣющихъ надъ нимъ по природѣ или по закону высшую сильную власть». Но вѣдь дѣло въ томъ, что тутъ «дурной примѣръ» подаютъ сами правила 1894 г., и такимъ образомъ это замѣчаніе является самой сильной ихъ критикой.

Въ нѣкоторыхъ статьяхъ, которыя появились въ печати послѣ правилъ 1894 г., былъ приведенъ рядъ случаевъ, самыхъ возмутительныхъ. Это случаи, когда лица, поссорившіяся при особыхъ условіяхъ, разгоряченныя виномъ на товарищеской пирушкѣ, на другой день являются другъ къ другу, готовы забыть все происшедшее, помириться, протянуть другъ другу руки, продолжать совмѣстно службу, а между тѣмъ посторонніе люди въ это дѣло вмѣшиваются, признавая, что въ данномъ случаѣ чести полка нанесенъ ущербъ, и происходитъ дуэль. И это вполнѣ естественно, потому что разъ законодатель, санкціонируя это правило, высказываетъ ту точку зрѣнія, что понятіе о чести доказывается отношеніемъ къ ссорамъ, и что чѣмъ выше понятіе о чести, тѣмъ необходимѣе въ извѣстныхъ случаяхъ разрѣшать ссоры поединкомъ,—такой взглядъ, очевидно, нравственно связываетъ. Очевидно въ каждомъ такомъ случаѣ судъ общества офицеровъ задаетъ себѣ вопросъ—не будетъ ли приговоръ или рѣшеніе, заявляющее, что въ данномъ случаѣ нѣтъ основаній для поединка, истолковано, какъ низкое, недостаточно развитое понятіе о чести? И, стало быть, мы имѣемъ такое положеніе, что по уложенію о наказаніяхъ дуэль наказуема и запрещена, а по правиламъ 1894 г. она разрѣшима; но и въ томъ случаѣ, когда она разрѣшима, она остается всетаки наказуемой по общимъ правиламъ и можетъ только имѣть мѣсто помилованіе до суда [1]). Конечно, большей нелѣпости и не-

---

[1]) Еще любопытнѣе слѣдующее обстоятельство. Если въ дуэли принимало участіе лицо „граждан-

однородности въ самой основной точкѣ зрѣнія на дуэль представить себѣ нельзя.

Перехожу къ системѣ уголовнаго уложенія. По моему, она заслуживаетъ сильнѣйшаго упрека даже по сравненію съ системой уложенія о наказаніяхъ. Дѣло въ томъ, что уголовное уложеніе сохранило въ общемъ систему уложенія о наказаніяхъ: различіе между поединками правильнымъ и неправильнымъ и постановленія объ измѣнической дуэли. Но уголовное уложеніе отказывается отъ различія оскорбителей и оскорбляемыхъ, вызвавшаго и вызваннаго; оно устраняетъ наказуемость вызова, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда вызванъ начальникъ по службѣ

скаго вѣдомства" — штатскій, и оба противника остались живы—примѣняется примѣч. къ ст. 1243 уст. угол. судопр. (выс. утв. 12 мая 1897 г. мнѣніе гос. сов.), согласно которому такія дѣла могутъ быть прекращены съ Высочайшаго соизволенія на основаніи всеподданнѣйшаго доклада военнаго или морского министра, за общимъ съ министромъ юстиціи подписаніемъ. Но такъ какъ это правило касается только тѣхъ случаевъ, когда „оба привлекаемые къ отвѣтственности противника или одинъ изъ нихъ принадлежитъ къ лицамъ офицерскаго званія", то оно не можетъ быть примѣнено тогда, когда на поединкѣ штатскаго съ военнымъ послѣдній будетъ убитъ, ибо въ этомъ случаѣ нѣтъ „привлекаемаго къ отвѣтственности" противника, принадлежащаго къ офицерскому званію: нельзя „привлечь къ отвѣтственности" убитаго. Вѣроятно, здѣсь имѣется редакціонная ошибка (оставшаяся, кстати сказать, незамѣченной особымъ присутствіемъ гос. совѣта при разсмотрѣніи проекта уголовнаго уложенія). Во всякомъ случаѣ, въ засѣданіи юридическаго общества указывалось, что дѣло объ извѣстной дуэли, на которой былъ убитъ кн. Витгенштейнъ, было направлено въ порядкѣ общемъ, а не въ порядкѣ прим. къ ст. 1243 уст. уг. суд.

или должностное лицо по поводу исполненія служебныхъ обязанностей; наказуемость секундантовъ имѣетъ мѣсто только тогда, если они допустили условіе биться на смерть, причемъ смерть или тяжкое тѣлесное поврежденіе дѣйствительно послѣдовали, или если они были соучастниками измѣннического поединка. Угол. уложеніе предусматриваетъ «американскую» дуэль (что является едва ли не академическимъ правиломъ, такъ какъ случаевъ американской дуэли, сколько мнѣ извѣстно, у насъ не было). Оно, какъ оказывается, мягче уложенія о наказаніяхъ, потому что уложеніе о наказаніяхъ за причиненіе смерти или тѣлесныя поврежденія налагаетъ максимумъ заключеніе въ крѣпости до 6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, а минимумъ 8 мѣсяцевъ, а уголовное уложеніе максимумъ 4 года, минимумъ 2 недѣли. При поединкѣ съ условіемъ биться на смерть, если произошла смерть или тяжкая рана,—уложеніе о наказаніяхъ отказывается отъ взгляда на поединокъ, какъ особеннаго по своимъ мотивамъ преступленія, и наказываетъ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой на поселеніе, а уголовное уложеніе назначаетъ крѣпость (отъ 2-хъ недѣль до 6 лѣтъ) безъ лишенія правъ. И, вообще, уголовное уложеніе отказывается отъ такъ называемой «custodia honesta», т. е. лишенія свободы безъ правопораженій, только при поединкахъ измѣнническихъ, и при поединкахъ безъ секундантовъ, окончившихся смертью или тяжкими тѣлесными поврежденіями. Если теперь сопоставить тѣ наказанія, которыя уголовное уложеніе назначаетъ за убійство и тѣ, которыя оно назначаетъ за лишеніе жизни на поединкѣ, то получаются со-

вершенно невѣроятные результаты. По уголовному уложенію за убійство (ст. 453) назначается каторга на срокъ не ниже 8 лѣтъ, за убійство на дуэли, при условіи биться на смерть, крѣпость отъ 2 недѣль до 6 лѣтъ (ст. 482). Теперь, если мы посмотримъ на законное соотношеніе этихъ наказаній, оно опредѣляется такъ: по ст. 63 уголовнаго уложенія: 6 мѣсяцевъ каторги=2 годамъ крѣпости, такимъ образомъ 1 годъ каторги=4 годамъ крѣпости и 8 лѣтъ каторги, т. е. минимумъ за умышленное убійство, равны 32 годамъ крѣпости или 1.664 недѣлямъ, а минимумъ за лишеніе жизни на поединкѣ, если было условіе биться на смерть,—2 недѣли, такъ что такое лишеніе жизни карается въ 832 раза мягче. Если мы сравнимъ максимумъ, то будемъ имѣть 15 лѣтъ каторги по уложенію за убійство, что равняется 60 годамъ крѣпости, а за дуэль мы имѣемъ 6 лѣтъ, а если не было условія биться на смерть, то 4 года, т. е. значитъ въ 10 или 15 разъ мягче.

Я думаю, что это смягченіе, по сравненію съ дѣйствующимъ правомъ, рѣшительно ничѣмъ не оправдывается и, между прочимъ, рѣшительно никакого оправданія не можетъ быть въ томъ, что тогда какъ уложеніе о наказаніяхъ за убійство на поединкѣ, съ условіемъ биться на смерть, подвергаетъ виновнаго ссылкѣ на поселеніе, здѣсь мы имѣемъ только крѣпость съ минимумомъ 2 недѣли. Я повторяю и подчеркиваю: я не хочу сказать этимъ, что наказанія являются недостаточно репрессивными—я имѣю въ виду главнымъ образомъ нравственное значеніе такого постановленія. Законодатель въ своихъ повелѣніяхъ несомнѣнно выражаетъ нравственную

оцѣнку поступка и если законодатель a priori говоритъ, что достаточно соблюсти нѣкоторыя условія, требуется вызовъ, приглашеніе секундантовъ, затѣмъ нужно выйти къ барьеру и стрѣлять,—и тогда убійство является чѣмъ то привилегированнымъ, совершенно независимо отъ того, какіе мотивы диктовали вашъ образъ дѣйствій и какія цѣли вы преслѣдовали (потому что ни въ какомъ законодательствѣ, какъ и въ нашемъ, мотивы сами по себѣ не упомянуты, и нигдѣ не указано, что поединокъ—это есть что то такое, что происходитъ для отмщенія поруганной чести),—то этимъ онъ выражаетъ свое отношеніе къ такого рода убійствамъ.

Я думаю, что взглядъ, который положенъ въ основу уголовнаго уложенія, особенно ошибоченъ въ Россіи, потому что вѣдь уголовное уложеніе предназначено для всего государства, для всего населенія. Огромное большинство русскаго населенія не знаетъ, что такое дуэль, не имѣетъ о ней никакого представленія и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ люди привилегированные дерутся на дуэли, въ огромномъ большинствѣ населенія происходитъ нѣчто совершенно другое, за что виновный подлежитъ отвѣтственности на общемъ основаніи. Такимъ образомъ здѣсь получается чистѣйшій видъ классовой юстиціи.

Затѣмъ я думаю, что нигдѣ, какъ въ Россіи, нѣтъ того отвращенія къ церемоніалу, окружающему дуэль, ко всѣмъ приготовленіямъ, которыя съ внѣшней стороны похожи на приготовленія къ смертной казни—заряженіе пистолетовъ, отмѣриваніе шаговъ и т. д. Мнѣ, несмотря на всѣ усилія, не удалось достать «ко-

декса Дурасова», я увѣренъ, что чтеніе его доставило бы мнѣ на-ряду съ отвращеніемъ не мало веселыхъ минутъ, и я думаю, что у насъ не можетъ быть такого отношенія нелѣпо-театрально-приподнятаго ко всей этой обстановкѣ, ко всѣмъ этимъ особенностямъ, какое замѣчается во Франціи, гдѣ въ кодексѣ о дуэли регулируется даже цвѣтъ перчатокъ секундантовъ, когда они являются для объясненій. Мы не можемъ серьезно къ этому относиться, смотримъ на это какъ на отвратительную комедію. Секунданты почти всегда чрезвычайно тяготятся своей ролью, хотя и тутъ, конечно, находятся люди, которые съ такой же хлопотливой готовностью и дѣловитостью исполняютъ эти функціи, съ какой они устраиваютъ обѣды и заказываютъ закуску.

Въ результатѣ всего сказаннаго, я прихожу къ тому выводу, что дуэль должна разсматриваться не какъ delictum sui generis, а должна наказываться прежде всего по своимъ результатамъ. Нужно наказывать не за поединокъ, а за причиненіе тѣхъ или другихъ поврежденій или смерти на поединкѣ.

IV.

Я долженъ сказать, что эта точка зрѣнія встрѣчаетъ довольно сильныя возраженія: указываютъ на то, что есть препятствія юридическаго характера, что въ огромномъ большинствѣ западно-европейскихъ странъ дуэль разсматривается какъ «delictum sui generis». Я здѣсь не имѣю въ виду касаться въ подробности системъ западно-европейскихъ государствъ.

Отмѣчу лишь, что ихъ постановленія о дуэли представляются довольно разнообразными. Одинъ изъ послѣднихъ изслѣдователей вопроса (Kohlrausch) различаетъ четыре различныя системы, къ которымъ, въ сущности, сводится это разнообразіе:

1. Совершенное неупоминаніе о дуэли. При этомъ поединокъ самъ по себѣ ненаказуемъ,— наказуемы только его послѣдствія, по общимъ основаніямъ. Это—система французская (съ 1810 г.), признанная кассаціонной практикой лишь съ 1837 г. Достойно вниманія, что ея же держится новѣйшее, образцовое во многихъ отношеніяхъ норвежское уложеніе. Она же принята—въ Японіи.

2. Смягченіе отвѣтственности за поврежденія всякаго рода (и за лишеніе жизни), въ зависимости отъ особенностей отдѣльнаго случая, съ принятіемъ во вниманіе свойства мотива, вліянія общественнаго мнѣнія, недостаточной охраны чести закономъ, состоянія какъ бы необходимой обороны, и т. п. Поединокъ с а м ъ п о с е б ѣ не предусмотрѣнъ и значенія не имѣетъ. Такая система существовала въ Норвегіи съ 1842 г. до 1902 г. и осталась въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ.

3. Дуэль карается какъ del. sui generis (либо какъ нарушеніе общественнаго порядка и безопасности, либо какъ причиненіе опасности для жизни, либо какъ самоуправство), а послѣдствія ея — какъ таковыя, безъ всякихъ смягченій, т. е., какъ убійство или тѣлесное поврежденіе. Это—самая строгая система. Она принята въ Англіи и въ большинствѣ сѣверо-американскихъ

штатовъ и въ проектѣ швейцарскаго уголовнаго уложенія.

4. Дуэль разсматривается какъ delictum sui generis, причемъ послѣдствія квалифицируютъ деликтъ, но наказываются мягче, чѣмъ соотвѣтствующія преступленія,—убійство или тѣлесное поврежденіе.

Это преобладающая система. Она усвоена законодательствами: Германіи (1870 г.), Австріи (1852 г.), Швеціи (1864 г.), Даніи (1867 г.), Бельгіи (1867 г.), Испаніи (1870—1876 г.), Венгріи (1878 г.), Люксенбурга (1878 г.), Голландіи (1881 г.), Португаліи (1886 г.), Финляндіи (1889 г.), Италіи (1890 г.) и Россіи (улож. о нак. 1845 г. и уголовное уложеніе 1903 г.)

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ предѣлахъ этой послѣдней системы возможно большое разнообразіе, какъ въ самихъ опредѣленіяхъ, такъ и въ отношеніи наказуемости. Такъ, напр., бельгійское законодательство устанавливаетъ весьма высокія (до 10.000 фр.) денежныя взысканія. Въ кодексахъ Испаніи и Португаліи,—гдѣ, повидимому, поединокъ является иногда средствомъ расплаты не съ обидчикомъ, а—съ кредиторомъ, есть оговорка, что если вызовъ послѣдовалъ въ интересахъ денежныхъ или для безнравственной цѣли, назначаются общія наказанія, и виновные лишаются права на занятіе общественныхъ должностей. Въ Италіи дуэль разсматривается какъ форма самоуправства, противодѣйствія правосудію. При дуэли съ условіями биться на смерть, виновный отвѣчаетъ за простое убійство или тѣлесное поврежденіе. Нужно отмѣтить, что въ 1898 г. из-

вѣстный Энрико Ферри внесъ въ палату депутатовъ предложеніе объ отмѣнѣ всѣхъ особыхъ статей о дуэли. Наконецъ, въ Германіи, въ опредѣленіе состава дуэли внесенъ признакъ смертоноснаго (tödtlich) оружія. Практика рейхсгерихта установила, что это—признакъ объективный, такъ что сюда подходитъ оружіе (шлегеры), употребляемое при, такъ называемыхъ, мензурахъ — студенческихъ дуэляхъ. Однако, дѣла этого рода лишь въ самыхъ исключительныхъ случахъ доходятъ до суда. Германскій кодексъ строже караетъ за дуэль со смертельнымъ исходомъ, чѣмъ наше уголовное уложеніе. Если было условіе биться на смерть, по германскому уложенію полагается крѣпость отъ 3-хъ до 15-ти лѣтъ (по нашему уложенію—отъ 2-хъ недѣль до 6-ти лѣтъ) [1].

Каковы же препятствія юридическаго характера, которыя выдвигаются противъ признанія дуэли не какъ «delictum sui generis», а какъ дѣянія наказуемаго по своимъ послѣдствіямъ? Они формулированы, между прочимъ, у насъ въ

---

[1]) Уже послѣ того, какъ настоящая статья была написана, я получилъ новый проектъ германскаго уголовнаго уложенія, устанавливающаго новое отношеніе къ дуэли. Правда, она и здѣсь остается delictum sui generis. Но проектъ вводитъ наказаніе тюрьмой для того изъ участниковъ, который „den Zweikampf freventlich verschuldet hat“, т. е. который своимъ преступнымъ образомъ дѣйствій вызвалъ поединокъ. Такимъ образомъ, здѣсь получается возможность считаться съ мотивами. Срокъ тюрьмы при лишеніи жизни—тюрьма не ниже двухъ лѣтъ (максимумъ 6 лѣтъ), при чемъ, согласно началамъ общей части, это наказаніе можетъ сопровождаться временными правопораженіями.

объяснительной запискѣ къ уголовному уложенію. Говорится, что «въ дуэли имѣется согласіе пострадавшаго, и если это не имѣетъ значенія при убійствѣ, то имѣетъ значеніе при нанесеніи легкихъ ранъ и поврежденій». Затѣмъ указывается въ объяснительной запискѣ къ уголовному уложенію, что «поединокъ отличается отъ убійства и тѣлесныхъ поврежденій тѣмъ, что виновникъ смерти или тѣлесныхъ поврежденій самъ подвергъ себя болѣе или менѣе значительному риску» и, наконецъ, указывается на мотивы. Мотивъ этотъ заключается въ идеѣ о томъ, что только кровью можетъ быть смыто нанесенное оскорбленіе. Конечно, «это предразсудокъ, притомъ предразсудокъ соціально вредный, но тѣмъ не менѣе законодатель не можетъ ингорировать существованіе подобнаго предразсудка».—Однако всѣ эти соображенія, которыя высказаны въ объяснительной запискѣ, и которыхъ держится, какъ мнѣ извѣстно, въ настоящее время авторъ этой объяснительной записки, профессоръ Таганцевъ. были имъ же самимъ въ одной изъ первыхъ его работъ, въ книгѣ «О преступленіяхъ противъ жизни», подвергнуты подробному разбору, и онъ тогда же указалъ, что ни одно изъ этихъ соображеній критики не выдерживаетъ. Согласіе пострадавшаго не имѣетъ значенія, потому что въ нашемъ законодательствѣ оно, вообще, поставлено въ чрезвычайно узкія рамки.

Мы знаемъ, что при убійствѣ согласіе пострадавшаго никакого значенія не имѣетъ, при тяжкихъ поврежденіяхъ и увѣчьяхъ его значеніе спорно. При легкихъ поврежденіяхъ оно мѣетъ то послѣдствіе, что мѣшаетъ подачѣ

жалобы. Но, оставляя вопросъ о томъ, можно ли въ данномъ случаѣ говорить о согласіи,— о прямомъ невынужденномъ согласіи на опредѣленное послѣдствіе (Биндингъ справедливо указываетъ, что согласіе въ этихъ случаяхъ—только эвентуальное)—вѣдь мы на дуэль не смотримъ чисто объективно, мы въ дуэли наказываемъ не только послѣдствія, но и умыселъ, который проявился. Если дуэль обставлена такъ, что не можетъ кончиться иначе, какъ обмѣномъ пуль, то преслѣдованіе не будетъ имѣть мѣста, хотя бы послѣдовало какое либо ничтожное пораненіе. Но если условія, которыми обставлена дуэль, такоовы, что явствуетъ умыселъ на убійство, или эвентуально нанесеніе тяжкаго тѣлеснаго поврежденія, что можетъ вытекать изъ свойства оружія, разстоянія, количества выстрѣловъ, условія биться на смерть или до первой крови и т. д., то въ такихъ случаяхъ мы можемъ говорить, при наступленіи этихъ послѣдствій, что они входятъ въ эвентуальный умыселъ, и въ этомъ случаѣ согласіе или несогласіе никакого значенія не имѣетъ. Рискъ для обоихъ?—но развѣ въ преступленіяхъ, въ экспропріаціяхъ, напримѣръ, когда люди являются съ револьверами и кричатъ «руки вверхъ» и подвергаются опасности, что ихъ перебьютъ, развѣ этотъ рискъ имѣетъ какое нибудь значеніе въ смыслѣ не только выдѣленія ихъ дѣянія изъ общей категоріи, но даже въ смыслѣ смягченія наказанія? И, наконецъ, мотивы... Но вѣдь любопытно, что если дуэль по своимъ мотивамъ должна быть выдѣлена, то эти мотивы должны быть прямо указаны въ законѣ. Между тѣмъ ни одинъ законодатель этого не дѣлаетъ, и понятіе

дуэли такимъ образомъ у насъ, какъ и въ западно-европейскихъ государствахъ, получаетъ характеръ совершенно формалистическій. Дуэль это не есть нѣчто, въ основаніи чего должно быть положено особое субъективное чувство, а это есть извѣстный, обставленный внѣшними условіями, бой между двумя лицами, причемъ самъ законодатель объ этихъ условіяхъ не упоминаетъ—они должны быть выведены изъ практики, изъ историческихъ объясненій, но въ концѣ концовъ они таковы, что даютъ возможность каждому, обставивъ себя внѣшними условіями поединка, совершить политическое убійство. Достаточно того, что человѣкъ для сведенія своихъ политическихъ счетовъ, вызоветъ противника на дуэль и убьетъ его, чтобы по отношенію къ нему былъ установленъ особый взглядъ—то, что онъ совершаетъ есть дѣяніе, за которое онъ можетъ не отвѣчать ничѣмъ, какъ наказаніемъ не правопоражающимъ, и въ конечномъ счетѣ ничтожнымъ. И вотъ Таганцевъ въ своемъ изслѣдованіи «о преступленіяхъ противъ жизни» выставилъ такія положенія, которыя онъ въ то время защищалъ: «что лишеніе жизни на дуэли заключаетъ въ себѣ всѣ условія, требуемыя теоріей и закономъ для убійства», что «возраженія, дѣлаемыя противъ подобнаго подведенія не имѣютъ, достаточныхъ основаній», что «мотивы, опредѣляющіе преступниковъ при поединкѣ, не могутъ уничтожить преступности и наказуемости поединка», что «эти мотивы не могутъ даже служить основаніемъ для выдѣленія умерщвленія на дуэли изъ общаго родового понятія убійства», что «поводы къ дуэли могутъ вліять только на сте-

пень отвѣтственности виновныхъ, и то не въ особенно значительныхъ размѣрахъ».

Изъ этого вытекаетъ, что, собственно говоря, самый правильный образъ дѣйствій былъ бы, вычеркнуть дуэль совершенно изъ уголовнаго кодекса и наказывать по послѣдствіямъ. Но я думаю, что такого рода рѣшеніе вопроса въ настоящее время въ Россіи было бы сопряжено съ несомнѣнной опасностью. Во-первыхъ, опытъ Франціи показываетъ, что при такой отмѣнѣ правилъ о дуэли, т. е. ряда законодательныхъ постановленій о дуэли, непремѣнно возникаетъ вопросъ, «что это значитъ?»—значитъ ли, что отнынѣ дуэль не наказуема? Представьте себѣ, что выходитъ такой законъ, который говоритъ, что отмѣняются стт. 1457—1512 уложенія о наказаніяхъ, а затѣмъ остаются лишь мотивы къ этому закону, которые въ концѣ концовъ ни для кого не обязательны. Нужно еще искать объясненій, нужно, чтобы эти мотивы подтвердились. Такъ, напримѣръ, во Франціи докладчикъ комиссіи Monseignat совершенно открыто заявлялъ, будто эта отмѣна означаетъ, что законъ приравниваетъ дуэль къ общимъ преступленіямъ, но французская практика до 1837 г. держалась обратной точки зрѣнія, считая, что разъ прежде дѣяніе каралось по особымъ правиламъ, а теперь нѣтъ, то оно и не наказуемо. Но если даже отбросить эти сомнѣнія, я все же считаю, что такой путь можно было бы примѣнить, если бы у насъ существовала иная система, чѣмъ усвоенная уложеніемъ о наказаніяхъ. Если мы возьмемъ проектъ Таганцева, изложенный имъ въ центральной работѣ, то что мы увидимъ? Онъ считаетъ, что убійство на дуэли можетъ быть

подведено подъ статью, которая имъ проектируется такъ: «если убійство: а) или было вызвано тяжкой обидой, нанесенною убитымъ, или самому виновному, или лицамъ, ему близкимъ, б) или было вообще совершено подъ вліяніемъ побужденій или при наличности условій, болѣе или менѣе оправдывающихъ данное дѣяніе, то виновный подлежитъ: заключенію въ рабочій домъ не свыше 5 лѣтъ, или тюремному заключенію не менѣе 6 мѣсяцевъ, или внушенію и выговору со стороны суда». Конечно, если бы мы имѣли такую основную систему, имѣли возможность въ предѣлахъ уголовнаго уложенія двигаться по этой лѣстницѣ наказаній безпрепятственно, если бы вся система уложенія о наказаніяхъ не была такъ казуистична, если бы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ была возможность отойти отъ большихъ сроковъ каторги, словомъ сказать, если бы наше уложеніе держалось правильной точки зрѣнія на значеніе мотивовъ и не только въ примѣненіи къ убійствамъ, но и другимъ преступленіемъ, тогда, конечно, былъ бы возможенъ иной исходъ. Въ настоящее время, думаю, при существующей системѣ уложенія возможно только нѣчто вродѣ того примѣрнаго проекта закона, который приложенъ къ докладу [1]). Я долженъ объяснить,

---

[1]) 1) Статьи 1457—1512 улож. о наказ. угол. и испр.—отмѣнить.

2) Дополнить главу первую раздѣла X улож. о наказ. ст. 1455^1, 1484^1 и 1484^2, изложивъ ихъ такъ;

Ст. 1455^1: Виновный въ убійствѣ на поединкѣ подвергается: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ мѣстности, къ тому предназначенныя.

что, составляя этотъ проектъ, я имѣлъ въ виду исключительно содѣйствовать тѣмъ лицамъ, которыя предполагаютъ, что необходимо въ ближайшемъ времени внести законодательное предположеніе относительно наказуемости дуэли, или, вѣрнѣе сказать, касающееся вообще дуэли; потому, набрасывая этотъ проектъ, я самъ руководился исключительно этими соображеніями практики и цѣлесообразности. Я заранѣе признаю: весьма возможно, что этотъ проектъ технически крайне несовершененъ, что, можетъ быть, въ немъ есть вещи совершенно нежелательныя и неудобныя. Я повторяю—это есть только проектъ, только примѣрный набросокъ. Въ моемъ проектѣ дуэль указывается только какъ

При уменьшеніи наказанія въ семъ случаѣ допускается переходъ лишь къ заключенію въ крѣпости, на основаніи и въ постепенности, установленныхъ ст. 34 улож. о наказ.

Ст. 1484[1]: Виновный въ причиненіи на поединкѣ увѣчья или тяжкой раны подвергается: лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по второй, или четвертой, или же пятой степенямъ ст. 31 улож. о наказ.

При уменьшеніи наказанія въ семъ случаѣ допускается переходъ къ тюрьмѣ по 1-ой степени ст. 38 улож. о наказ.

Ст. 1484[2]: Виновный въ причиненіи на поединкѣ легкой раны подвергается: лишенію нѣкоторыхъ, по ст. 50 сего уложенія, особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 8 мѣс. до 1 года и 4 мѣс.

При уменьшеніи наказанія въ семъ случаѣ допускается переходъ къ тюрьмѣ по 2-ой или 3-ей степени ст. 38 улож. о наказ.

извѣстный способъ дѣйствія, и съ этой точки зрѣнія, убійство на поединкѣ есть нѣчто вродѣ убійства посредствомъ отравленія или посредствомъ поджога, съ той разницей, что эти два случая являются квалифицированными видами, а убійство на поединкѣ должно разсматриваться, какъ видъ привилегированный. Затѣмъ, само собой разумѣется, что при такой постановкѣ вопросъ о покушеніи рѣшается на основаніи тѣхъ соображеній, которыя мною были изложены, а вопросъ о секундантахъ рѣшается такъ, что секунданты отвѣчаютъ какъ соучастники. Особаго наказанія и выдѣленія секундантовъ тутъ не имѣется.

Что касается наказуемости, то въ моемъ проектѣ дается возможность въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ считаться съ индивидуальными особенностями. Съ этой цѣлью установлены параллельныя наказанія, и судъ имѣетъ возможность переходить въ случаѣ убійства—отъ поселеніи съ лишеніемъ всѣхъ правъ къ крѣпости съ лишеніемъ лишь нѣкоторыхъ правъ, а въ болѣе легкихъ случаяхъ отъ исправит. арест. отдѣленій и отъ тюрьмы съ лишеніемъ правъ къ тюрьмѣ безъ лишенія правъ. Важно, при такой постановкѣ, то обстоятельство, что дуэли съ печальнымъ исходомъ будутъ подлежать суду присяжныхъ, и я полагаю, что такое рѣшеніе безусловно правильно. Именно здѣсь чрезвычайно важно и вполнѣ цѣлесообразно прислушаться къ голосу общественной совѣсти. Я убѣжденъ, что передача дѣлъ подобнаго рода на разсмотрѣніе суда присяжныхъ будетъ имѣть оздоровляющее значеніе, и что репрессія суда присяжныхъ окажется не мнимой, а вполнѣ дѣйствительной, ко-

нечно, при томъ условіи, если она не будетъ парализоваться помилованіемъ [1]).

Само собою разумѣется, что при принятіи такой точки зрѣнія является настоятельная необходимость покончить съ особымъ взглядомъ на вопросъ о поединкѣ въ военной офицерской средѣ. Но вопросъ о томъ, какъ могутъ быть отмѣнены эти правила 1894 г., есть вопросъ

---

[1]) Въ дополненіе къ этимъ соображеніямъ, я долженъ признать, что при такой постановкѣ было бы необходимо сохранить наказуемость самой дуэли, хотя бы и не имѣвшей послѣдствій, какъ особаго в и д а опасной драки, при чемъ соотвѣтствующая статья могла бы быть помѣщена въ уставѣ о наказаніяхъ, и могла бы быть установлена кара арестомъ. Тогда было бы логично преслѣдовать дуэль, имѣвшую послѣдствіемъ легкія раны, независимо отъ жалобы потерпѣвшаго. Что касается наказуемости вызова, то я не могу согласиться съ доводами, высказанными въ юридическомъ обществѣ въ пользу такой наказуемости. Здѣсь указывалось на то гнетущее впечатлѣніе, которое можетъ произвести такой вызовъ, на тяжкія нравственныя страданія вызваннаго и т. п. Но тогда пришлось бы назначить весьма суровыя кары, не говоря уже о томъ, что существуетъ множество формъ причиненія нравственныхъ страданій гораздо болѣе тяжкихъ,—формъ, совершенно недоступныхъ дѣйствію уголовнаго закона. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако, я призналъ бы вполнѣ правильнымъ предусмотрѣть и обложить наказаніемъ вызовъ на поединокъ члена госуд. думы и госуд. совѣта по поводу исполненія ими своихъ обязанностей, разсматривая такой вызовъ какъ попытку воспрепятствованія свободному исполненію этихъ обязанностей. Такое правило, кстати сказать, обуздало бы пылъ разныхъ добровольцевъ, обращающихся къ своему высшему начальству съ просьбой разрѣшить имъ вызвать на дуэль того или другого депутата, „оскорбившаго“ ихъ вѣдомство или ихъ мундиръ.

совершенно особый. Я долженъ указать, что въ литературѣ существуетъ взглядъ, что эти самыя правила 1894 г. были изданы съ нарушеніемъ правъ, принадлежащихъ государственному совѣту. Но при дѣйствующемъ положеніи, при наличности 97 ст. осн. зак., гдѣ прямо сказано, что постановленія по военно-судебной и военно-морской частямъ идутъ особымъ порядкомъ, боюсь, что въ распоряженіи нашихъ законодательныхъ органовъ нѣтъ средствъ для того, чтобы законодательнымъ путемъ отмѣнить эти правила. Но, само собою разумѣется, что чѣмъ правильнѣе будетъ взглядъ на дуэль въ общемъ законодательствѣ, тѣмъ необходимѣе отмѣна его въ этой спеціальной средѣ.

V.

Наконецъ, нѣсколько только словъ по поводу парламентскихъ дуэлей. Я утверждаю, что въ частности парламентскимъ дуэлямъ, наиболѣе излюбленнымъ изъ всѣхъ, легче всего противодѣйствовать, и такое противодѣйствіе вполнѣ своевременно, именно потому, что въ парламентскихъ дуэляхъ прежде всего поводы являются большей частью чисто политическаго характера. Это есть политическая злоба, политическая ненависть, которая такимъ путемъ находитъ себѣ выходъ какъ бы законный. Здѣсь не затрагивается ни личная честь, ни личная репутація. Здѣсь, кромѣ того, есть полная возможность обратиться къ третейскому суду и достигнуть извиненія въ формѣ не унизительной для личнаго самолюбія, и примиренія. Затѣмъ я считаю,

что каковъ бы ни былъ парламентъ, какова бы ни была его организація, но лица, облеченныя званіемъ члена думы, вообще народные представители, должны къ своимъ поступкамъ, къ своему образу дѣйствій относиться съ особенной строгостью и считать, что тотъ примѣръ, который они подаютъ, является въ данномъ случаѣ или особенно хорошимъ, или особенно дурнымъ. По свидѣтельству многихъ, знающихъ провинціальную жизнь, никогда такъ не усиливались въ разныхъ собраніяхъ, губернскихъ, уѣздныхъ, земскихъ и т. д., проявленія дикости нравовъ, брань, взаимныя препирательства, неприличныя выходки, какъ съ тѣхъ поръ, какъ примѣръ поданъ съ высокой трибуны государственной думы. Точно тоже можетъ случиться по отношенію къ дуэлямъ. На-дняхъ газеты сообщили, что нѣкій жандармскій штабъ-ротмистръ вызвалъ на дуэль одного члена думы за оскорбленіе чести жандармскаго мундира. Недавно былъ случай, когда товарищъ прокурора вызвалъ кого то на дуэль,— не помню, былъ ли то членъ думы,— за оскорбленіе чиновъ прокуратуры. Всякому понятно, что въ этомъ случаѣ можно руководиться такого рода мотивами, которые ничего общаго не имѣютъ съ понятіемъ объ оскорбленіи чести, но свидѣтельствуютъ о совершенно другихъ побужденіяхъ. И вотъ, въ виду опасности и возможности распространенія и широкаго развитія этого зла, въ виду того, что желательно съ самаго начала положить ему препону, я считаю, что въ настоящее время такого рода законодательное постановленіе было бы своевременно.

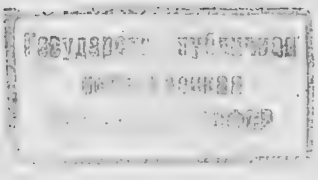
Мнѣ могутъ сказать—стоитъ ли огородъ го-

родить, когда за 4 послѣднихъ мѣсяца у насъ было 124 казни и 1.100 самоубійствъ. Что передъ этими цифрами значатъ совершенно ничтожныя цифры лицъ, пострадавшихъ на дуэли?

Но вспомнимъ, что не такъ давно противники смертной казни встрѣчались съ тѣмъ же возраженіемъ, имъ тоже говорили: у насъ въ Россіи это почти вопросъ академическій. И что же мы теперь видимъ? Гдѣ же ручательство противъ того, что все возрастающее одичаніе, прогрессирующее обезцѣненіе человѣческой жизни, на ряду съ ростомъ политическихъ страстей и усиленіемъ ненависти на почвѣ политической,—не заставятъ распуститься пышнымъ цвѣткомъ увядавшій, обреченный, казалось, способъ разрѣшенія столкновеній? Да, конечно, трудно расчитывать, чтобы борьба съ дуэлью сейчасъ, въ данное время, сдѣлалась воодушевляющимъ лозунгомъ, трудно ожидать, чтобы общество, будучи ежедневнымъ свидѣтелемъ того, что у насъ творится, могло воспылать негодованіемъ противъ дуэли и оказать прочную и широкую поддержку ея противникамъ. Не слѣдуетъ притомъ преувеличивать нравственное значеніе закона, который можетъ выйти изъ рукъ третьей государственной думы. Все это такъ. И, тѣмъ не менѣе, борьба необходима. Она, вѣдь, направлена не противъ отдѣльныхъ случаевъ, а противъ того психологическаго гнета, которымъ эти случаи порождаются. Какъ предсказать, кто можетъ оказаться жертвой этого гнета?

Не нужно ждать. Пусть иниціатива отзывчивыхъ и чуткихъ членовъ гос. думы, рѣшившихся выступить противъ грубаго и нелѣпаго пережитка другихъ временъ и другой психологіи, встрѣтитъ

живой откликъ въ лучшей части русскаго общества. Пусть съ этого дикаго и отвратительнаго обычая будетъ сорвана мантія красивыхъ словъ и снятъ ореолъ якобы возвышенныхъ мотивовъ, его украшающій. И, когда онъ предстанетъ передъ нами въ своемъ истинномъ видѣ, въ своей безобразной наготѣ, отъ него отшатнется каждый, въ комъ живо этическое чувство и кто внемлетъ голосу разума. А тогда ему—конецъ!..



Складъ изданія при Юридическомъ книжномъ складѣ
„ПРАВО“
Спб., Владимірскій пр., 19, тел. 41—61.